

¹ См., напр.: Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Л., 1962, с. 251—252; Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV—VI вв.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1, с. 159—160; Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 319—328; Она же. Некоторые нерешенные проблемы византийской культуры.— ВВ, 1980, т. 41, с. 57, 59.

² См.: Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50 — начале 70-х гг. V в.— В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983.

³ Историографию проблемы см.: Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в конце IV — начале VI вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1975, с. 3—8; Косвенно к проблеме подходит в своей статье А. Липпольд. См.: Lippold A. Zenon, römischer Kaiser 474—475 und 476—491.— PWRE, 1972, Bd. 10 A, 19 Hbd., R. 2, Sp. 149 sq.

⁴ Ср.: Norman A. F. Gradations in later municipal society.— JPS, 1958, т. 48, p. 84.

⁵ Козлов А. С. Политическая оппозиция..., с. 12—14.

⁶ Несколько преувеличивает значение этой знати в указанное время Ж. Даргон. См.: Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974, p. 185.

⁷ О политических тенденциях этой знати см.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 159.

⁸ Barth W. Kaiser Zeno. Basel, 1984, S. 20—21.

⁹ Ср.: Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913, т. 1, с. 395, примеч. 2.

¹⁰ Barth W. Op. cit., S. 21, Anm. 3.

¹¹ Удалцова З. В. К вопросу о мировоззрении византийского историка. Евагрия.— ВВ, 1969, т. 30, с. 67.

¹² Там же, с. 72.

¹³ Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284—602): A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964, v. 1, p. 224.

¹⁴ Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968, p. 36.

¹⁵ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Wien, 1928. Bd. 1. Vom römischen zum byzantinischen Staate, S. 536.

¹⁶ Nagl A. Illos.— PWRE, Bd. 9, Hbd. 18, Sp. 2533. 21—36.

¹⁷ Ibid., Sp. 2359. 12—34.

¹⁸ Langen J. Geschichte der römischen Kirche. Bonn, 1885, S. 128.

¹⁹ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918, т. 4, с. 332 сл.

Т. М. ЧЕРВОННАЯ
Горьковский университет
Н. С. ШИРОКОВА
Ленинградский университет

ФРАНЦУЗСКИЙ СЕРВАЖ И АНТИЧНОЕ РАБСТВО

Старая феодальная Франция оставила замечательное завещание историкам — провинциальные кутюмы. Наиболее полно они были записаны в XVI в., когда их попытались и кодифицировать. Тогда же лучшие юридические умы, и среди них Ш. Дюмулен, Кр. де Ту, Э. Паскье, Ги де Кокиль, Куяций, прокоммен-

тировали феодальные законы Франции, попытались объяснить их происхождение, положив фактически начало знаменитому спору будущих романистов и германистов. Все последующие историки (если первыми считать февдистов) — Монтескье, Гизо, Тьерри — представители так называемой юридической школы, корифеи русской исторической мысли, в частности Н. И. Кареев, книгу которого «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» Маркс назвал превосходной¹, черпали свои представления о французском феодализме в первую очередь из этого юридического наследства. Февдистской терминологией продолжаем пользоваться и мы. Знание, понимание смысла, вложенного в нее ее создателями, не раз говорил С. Д. Сказкин, является первейшим условием верного проникновения в суть феодальной собственности, весьма отличной от собственности буржуазной².

Правовые описания лежат и в основе наших суждений о серваже, который историки обычно отождествляют с наиболее адекватной феодализму формой эксплуатации крестьянства. Традиционное описание происхождения и сущности средневекового серважа, до недавнего времени господствовавшее в историографии, мы находим, в частности, в книге М. Блока. Институт серважа, по мнению Блока, «возник из остатков рабства и колоната, из условного освобождения, а также из добровольного или мнимо добровольного закабаления многих свободных крестьян»³.

Сознавая трудности расшифровки юридического статуса держателей раннесредневековой сеньории, ввиду сохранения «традиционных, часто более или менее устаревших категорий, унаследованных от различных правовых систем (римской и германской), противоречивые элементы которых соседствовали рядом друг с другом в Каролингском обществе»⁴, историк тем не менее был убежден в существовании уже в это время понятия серважа, окончательно оформившегося к XI в. Сервами считали людей, находившихся в полной судебной зависимости от сеньора, несвободных в заключении браков вне своей группы (формарьяж), уплачивавших ежегодную подать (шеваж), не имевших свободного права передавать землю по наследству (менморт). Свидетельские показания сервов не всегда принимались в расчет. Церковные каноны запрещали им вступать в духовное сословие. Эволюция серважа в XII—XIII вв. привела к постепенному замещению сеньориально-крестьянской связи «по плоти и кости» поземельной зависимостью. «Владение некоторыми держаниями или жительство на некоторых землях могло превратить свободного человека в серва», и, если серв «уходил с такой земли без разрешения господина, он терял свое держание»⁵. М. Блок считал, что, наряду с сохранившимися старыми повинностями — менмортом и формарьяжем, новый серваж приобрел и новый критерий: «Отныне признаком серва-

жа считаются обычно так называемые произвольные повинности, которые не были фиксированы ни письменным договором, ни прочно установившимся обычаем...»⁶.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости историк ставил в прямую связь с ростом денежных отношений, слабое развитие которых сохранило серваж в Шампани, центре Франции, обеих Бургундиях (герцогстве и Франш-Конте) вплоть до Великой французской буржуазной революции.

Блестящий знаток средневекового права С. Д. Сказкин считал, что критериями серважа было запрещение свободного наследования, уплата «поголовного» налога, несвобода брачных контрактов, взимание нефиксированных повинностей⁷. Для традиционных исследователей серважа служило аксиомой то, что юридический статус крестьянина отражал его социальную сущность. Так думали не только М. Блок, С. Д. Сказкин, первые французские исследователи сельской Франции, Н. И. Кареев, И. В. Луцкий, М. М. Ковалевский. Таково было мнение Ф. Энгельса⁸. Эта методика изучения феодальной зависимости крестьянства была оспорена французскими и бельгийскими авторами последних десятилетий Л. Верье, Ж. Дюби, Ш. Э. Перреном, Г. Фуркеном и др.⁹

Критики исходили из весьма похвальной посылки — проверить юридическую норму исторической действительностью, сопоставить феодальный обычай с жизнью, реальным положением французского крестьянства, сервов в том числе. Они обратились к анализу записей поземельных сделок, юридических казусов, грамот освобождения и других документов эпохи. Первые итоги нового метода дали, казалось бы, обнадеживающие результаты. Верье, проанализировав вслед за Блоком грамоты освобождения Иль-де-Франса, оспорил его тезис о поголовном серваже, доказав, что сервы составляли едва 20 % под Парижем. Историк высказал предположение, что район Парижа не был единственным, где серваж был ограниченным, что подтверждается последними работами по Нормандии¹⁰, Пикардии¹¹. Фуркен в главе о классической средневековой деревне в коллективной «Истории сельской Франции», считает, однако, что пока можно говорить лишь об отсутствии сервов в Бретани. На севере же Франции серваж был силен, как и в Бургундии, большей части Шампани, на юге Аквитании и особенно в центре Франции¹². ДискуSSIONируется и вопрос о происхождении серважа. Верье полагал, что 20 % сервов Иль-де-Франса в XIII в. вполне могли наследовать статус несвободных эпохи Каролингов. П. Пето, Ф. Долингер, Р. Бутрюш, Ш. Фосье, Ш. Э. Перрен настаивают на позднем происхождении серважа — XI—XII вв.

Сам по себе факт нерешенности традиционных вопросов серважа не может служить основанием для оспаривания плодотворности нового метода изучения средневековой деревни. Сомнение вызывает отказ от феудистских критериев феодальной

несвободы, попытка изобрести новые «научные» критерии. Выяснив, что даже в пору классического средневековья серваж не всегда обладал всем набором качеств, т. е. встречались сервы (например, под Парижем), никогда не знавшие шеважа, а крестьяне-несервы платили сервилльные подати; критики предлагают не выделять серваж как особую категорию, тем более что сервы, пренебрегая юридическими запретами, заключали различные сделки, продавали и покупали землю, свободно вступали в браки, становились клириками. Юридический статус крестьянина мог не соответствовать его имущественному статусу, а этот последний, по мнению Г. Фуркена, и должен стать критерием изучения реального положения крестьянина, поскольку именно он определял в дальнейшем формирование двух классов — мануври и пахарей. О глубоком разрыве между правовой нормой серважа во всех его модификациях и правовой практикой говорит и Ю. Л. Бессмертный¹³. В Северной Франции, колыбели феодализма, «ни прикрепление крестьян к земле, ни их личная свобода (в научном смысле этого понятия), ни наличие у них владельческих прав на землю не могут быть положены в основу классификации видов феодальной эксплуатации»¹⁴. Советский историк предлагает новые критерии феодальной крестьянской зависимости, где бы учитывалось «собственно феодальное разделение крестьянства по его производственным функциям, способу эксплуатации и типу эксплуататора», которые, как полагает автор, позволяют «выделить три важнейшие прослойки: частно-владельческих крестьян-держателей, частно-владельческих дворовых, государственно-зависимых крестьян»¹⁵.

Сразу обратим внимание на то, что, отрицая пригодность юридической классификации крестьянства, новые критики черпают факты для своих построений из рук все тех же февдистов, так как иного источника информации медиевисты-аграрники не имеют¹⁶. Это по меньшей мере обязывает их знать, понимать февдистскую терминологию. Как мы в этом скоро убедимся, искусство чтения юридических памятников почти полностью утрачено современной школой аграрных исследований. Между тем эти источники таят в себе еще массу неиспользованной информации о сущности и происхождении серважа.

Осознавая трудность изучения феодальной зависимости на материале XII—XIII вв. из-за мозаичной дробности терминов в это время, унаследованных, с одной стороны, от уже устаревшей рабовладельческой традиции, с другой — от не вполне сложившейся феодальной терминологии, мы предлагаем вести его ретроспективно, начиная с XVI в., когда было кодифицировано французское обычное право и сознательно противопоставлено праву римскому.

В нашем распоряжении собрание провинциальных кутюм области обычного французского права Бретани, Нормандии,

Пикардии, Шампани, Парижа, Орлеана, Берри, Анжу, Мена, Турени, Бургундии, Ниверне, Бурбонне, Верхнего Марш, Оверни и некоторые кутюмы области римского права Тулузы, Байонны, Дакс, Сен-Севера, Лабур, Бордо, Сентонжа, Ангума¹⁷, прокомментированные выдающимися юристами XVI и последующих веков. Глобальное их изучение с целью выяснения степени сохранения серважа во Франции XVI в. предпринято нами впервые. Итогом явилась «карта» распространения серважа в это время.

Серваж в собственно «Франции», как февдисты XVI в. называли земли старинного королевского домена, расположенные по преимуществу к северу от Луары, где «общим правом» (*Droit Commun*) считалось неписанное, обычное франкское, французское право, сохранился только на востоке Иль-де-Франса (обл. Мо) и кое-где в Шампани (Труасский бальяж, Шомон в Басиньи, Витри). В землях по Луаре и особенно к югу от нее, в так называемых галльских провинциях, где «общим правом» фактически оставалось римское право, серваж — типичная зависимость сельского населения. Он хорошо описан в Ниверне, Бурбонне, Оверни, Марш¹⁸. Сведения о нем содержат кутюмы Турени, Берри, выборочно записанные кутюмы области римского права¹⁹.

Юристы, составители и комментаторы кутюм Ниверне, относили серваж к наиболее суровой форме крестьянской зависимости. По Неверскому судебнику 1534 г. сеньор обладал всеми правами (*toute direct*) над сервом, который зависел от него в личном, поземельном и судебном отношениях. Сервы фактически лишены были ряда гражданских прав. Они не могли свободно заключать и расторгать так называемые товарищества (так на Юге именовались большие, обычно родственные коллективы)²⁰, собираться на сельские сходы числом свыше 10 человек²¹. Их свидетельства в суде не всегда имели силу, а пользование альмендой было урезано по сравнению со свободными людьми. Сервы не могли сочетаться браком вне своей группы, принимать священство. Наконец, сервам запрещено было свободно распоряжаться своим имуществом, движимым (стоимостью свыше 60 су) и недвижимым. Они не могли не только заложить, обменять, подарить, продать землю, но и передать ее «по прямой восходящей линии», т. е. сыну или дочери, иначе как при условии совместного проживания «одним домом, одним хлебом и солью». В противном случае сеньор мог прибегнуть к так называемому менморту, т. е. забрать имущество умершего серва и распорядиться им по своему усмотрению.

Сервы Ниверне раз в год, в день св. Варфоломея (24 августа), платили так называемую произвольную разумную талью, определявшуюся каждый раз потребностями сеньора и возможностями крестьянского хозяйства. Некоторые сервы расплачивались «абонированной» тальей, т. е. фиксированной в опреде-

ленной сумме. Раз в три года с сервов требовали дополнительные продукты или деньги. Они отрабатывали небольшую барщину — 6—12 дней в году. От унижительных сервильных платежей нельзя было освободиться по праву давности их неуплаты²² или переселением в другое, «даже почтенное место», т. е. обычно в город. Впрочем три небольших местечка Ниверне — Десиз, Невер и Кламси — почти не имели городских свобод. Королевские привилегии близлежащего Буржа распространялись лишь на «жителей Берри», объясняет Кокиль²³. От сервильных платежей, «привязанных к костям» так, «что их невозможно было стряхнуть»²⁴, можно было освободиться, только купив грамоту освобождения у герцога или короля. Сервильная зависимость передавалась по наследству, в случае смешанных браков «худшее положение убивало лучшее». От личного серважа, обычно погашавшегося натурой, несколько отличался поземельный серваж, именовавшийся на местном диалекте борделяжем, когда наряду с зерном и птицей непременно должны были вноситься деньги. Поземельный серв мог иногда найти защиту в герцогском или королевском суде, если конфликт с сеньором грозил ему потерей земли. К наследованию борделяжа допускались ближайшие родственники серва даже в том случае, если они не жили одним хозяйством с умершим. Впрочем, такие льготы должны были специально оговариваться при составлении контракта и, как утверждает Кокиль, отягощали его условия. Реальный серваж для человека прекращался отказом его от сервильной земли. Серв становился свободным «для себя и своего потомства».

Итак, юридический набор критериев сервильной несвободы в Ниверне — поголовная сеньориальная талья, запрет наследования сервов иначе, как при условии совместного проживания детей с родителями (менморт), браки только внутри группы сервов (формарьяж), несвобода в распоряжении имуществом, движимым и недвижимым, неуничтожимость сервильных сервитуд.

Вслед за февдистами мы выделили лишь наиболее характерные признаки серважа. Число их можно было бы умножить. Но это не означает, что строгие запреты неукоснительно соблюдались, что сервы никогда не составляли завещаний на имя своих близких, живших отдельным домом, что нотариусы и стряпчие не скрепляли брачных контрактов и купчих между подданными разных сеньоров, тем более что серв мог оказаться подданным сразу нескольких сеньоров²⁵. Запреты носили фискальный характер и падали, стоило лишь «развязать кошелек» (выражение, часто встречающееся в кутюмах, обозначает так называемую разрешительную пошлину). Нет никакой необходимости погружаться в чтение бесконечных юридических казусов, длинных поземельных регистров, чтобы в этом убедиться. Ответ дают сами кутюмы, сами составители юридических клау-

зул. Надо лишь внимательно их читать, зная, что всякий пропуск, оставление без внимания даже, казалось бы, ненужного повтора (например, рефрена «без позволения сеньора») грозит искажением смысла документа. Юридические формулы фактически предвидят нарушение запретов, перечисляют их, ибо это источник дополнительных, так называемых казуальных доходов. Вот почему в Ниверне «ценз при оценке удваивается, а борделяж исчисляется из $\frac{1}{3}$, т. е. 100 су (5 ливров) ценза принимаются при оценке за 10 ливров ренты, и 100 су (5 ливров) борделяжа — за 7 ливров 10 турских су»²⁶. Оценка казуальных доходов от серважа не дана, так как разрешительные пошлины для сервов оставались «на воле сеньора». За лаконичной формулой *toute direct* скрывалась очень высокая норма рентных отчислений от дохода крестьянина. Земля противостояла ему как чужая собственность.

Серваж Бурбонне похож на Неверский и, по-видимому, на серваж Оверни, Турени, Берри.

В Марш знали лишь поземельный серваж. Такая же картина характерна в целом и для Пуату, Анжу, Мена. Но формулировки юристов, описывающих серваж юга Франции, области римского права, заставляют предположить более суровые его условия. Юристы судебников Дакс, Сен-Севера, Бордо, Тулузы и Ангума обычно довольствуются замечаниями, что *questaux* Дакс, Бордо, Сен-Севера, *homines de corpore* Тулузы, *couchants et levants* Ангума — сервы, отсылая юристов-практиков, по-видимому, к Институциям и Дигестам Юстиниана. Лишь Сен-Северская кутюма более подробно объясняет, что *questaux* — такие люди, которые не могут распоряжаться ни своим имуществом, ни составлением завещания, поскольку имеют на него лишь право пользования, в то время когда сеньор считается собственником имущества серва и может забрать его в любое время, когда ему захочется²⁷. Такая юридическая формула предполагает постоянный сеньориальный контроль не только за поземельными сделками, но и за сделками с движимостью.

В Бургундии не было «сервов во плоти» и «оставлением менмортабельной земли сервы возвращались к свободе». Шансы сеньора на менморт в Бургундии ниже, чем в Ниверне. Достаточно было проживания в доме умершего хотя бы одного из его родственников, чтобы сеньориальный захват был оспорен всеми его наследниками, приглашавшимися к разделу имущества серва²⁸. Серваж Шампани (Труасского бальяжа) настолько пестр, что составители судебного кутюма этой провинции не смогли записать «генеральную» кутюму для страны в целом и позволили сеньорам «пользоваться в отношении своих поданных такими правами, какие они могли доказать ссылкой на соответствующий документ»²⁹. Серваж Шомона в Басиньи аналогичен Труасскому.

На крайнем севере отмеченной нами границы распростране-

ния серважа в XVI в. — в Витри — серваж был более льготным, чем в остальной Шампани. Брак, негодный сеньору, наказывался не отнятием земли у сервки, но штрафом в 60 су. Если невеста просила разрешения на брак, то, независимо от положительного или отрицательного ответа, могла выйти замуж, потеряв лишь треть менмортабельного имущества. Кутюма предлагает считать серва, ушедшего без позволения сеньора, беглым, подлежащим сыску, так как такие мужчины и женщины являются частью земли (*censes et reputes du pied et partie de la terre*)³⁰. Но серв Витри мог приобрести свободу по праву давности спустя 20 лет проживания в сеньориальном месте без уплаты сервильных платежей. Личный серваж в Мо описан очень коротко. Он стеснял серва в передаче сервильного наследства свободному лицу в браке со свободным, препятствовал вступлению в клирики³¹.

Итак, количество и качество сервильных запретов падает по мере продвижения с юга Франции на север. Жесткий серваж еще очень распространен в XVI в. на юге Франции, в центре. На западе и в Бургундии он уже несколько смягчен (поземельный серваж). Такой же серваж, по-видимому, преобладал и в Шампани, где он сохранился в виде небольших островков (Труа, Шомон в Басиньи, Витри). Сильно урезанным выглядит серваж на крайнем востоке Иль-де-Франса — в Мо. Весь северо-запад и север (Бретань, Нормандия, Пикардия) вовсе не знают серважа.

Картину «стертого» серважа для севера рисуют и кутюмы XIII в. — Старый Нормандский судебник³² и запись обычаев Бовези Бомануара³³. Мы убеждены в правильности гипотезы М. Блока и Мюссе о свободе средневекового нормандского крестьянства. Начавший было развиваться в Пикардии в XI—XII вв. поземельный, вторичный серваж не имел будущего. Личный серваж Бовези тоже выглядит как реликт. Анализ относительно небольшого числа статей о серваже текста Бомануара позволяет говорить о фактической близости сервов и вилланов³⁴. Сервы Бовези платили твердо установленные поборы³⁵, а не произвольные, как в тех землях, где «общим правом» оставалось право римское. Они могли жить вне юрисдикции своих сеньоров, что запрещалось в землях по Луаре и к югу от нее даже в кутюмах XVI в. Проживание серва в свободном месте делало его свободным уже через год и один день³⁶. По римскому праву срок сыска беглого крестьянина длился 29—39 лет. Но «льготный» — северный — серваж, описанный, в частности, у Бомануара, не может произвольно распространяться на другие земли Франции. Объяснение географии французского средневекового серважа, по-видимому, следует искать прежде всего в разной интенсивности романизации Франции. Комментаторы бургундской кутюмы, кутюмы Пуату, Турени, Оверни и других земель центра единодушны в том, что их обычаи непонятны без

знания римской правовой нормы. Ряд южных провинций — Гасконь, Лангедок, Гиень, Сентонж, Ангума, Борделе, Лимузен, Нижний Марш, Лионне, Прованс, Дофине, часть Оверни не знали иного права, кроме римского. Кокиль без всякой натяжки находит аналогии кутюмных предписаний о сервах и римских законов. Попробуем и мы проследить эту генетическую связь.

Романизация Галлии началась с политической реорганизации страны, которую предпринял Цезарь, инспирировавший дальнейшие пути ее развития, а провел и осуществил ее Август. Август разделил Галлию на четыре провинции. Одна из них — Нарбоннская Галлия — была образована на территории бывшей Провинции, входившей, как известно, в состав «римской короны» еще со 121 г. до н.э. Остальная часть Галлии, бывшая «Волосатая» Галлия периода независимости, получившая теперь неофициальное название Трех Галлий, была разделена на три провинции. Провинция Аквитания на западе объединила все территории от Пиренеев до Луары. На северо-востоке Белгика включила в себя весь район, расположенный между Соной, Ронной и Рейном. В центре страны, между этими двумя провинциями, располагалась Кельтика, или Лугдунская Галлия, вытянувшаяся в виде длинной и относительно узкой полосы от Соны до Северного моря.

Особенно впечатляющая картина создается при знакомстве с городской жизнью римской Галлии, которая интенсивно развивалась на протяжении I, II вв. н.э., являясь одним из важнейших результатов романизации страны. Прекрасные дороги, построенные искусными римскими инженерами, стройные аркады акведуков, величественные громады мостов, воплощающие инженерный расчет и требования эстетического вкуса, создают теперь новый архитектурный пейзаж римской Галлии, свидетельствуя вместе с тем о высоком уровне цивилизации, о развитии торговли, о начавшемся экономическом объединении страны.

За два века римского мира Галлия превратилась в классическую страну античного урбанизма. Типично римскими были архитектурные ансамбли Лугдунума — столицы Лугдунской Галлии, Дурокортума (Реймс) — бывшей столицы Белгики, Бурдигалы (Бордо) — столицы Аквитании, поддерживавшей оживленные торговые связи с Британскими островами.

Нарбоннская же Галлия, так долго соприкасавшаяся с античным югом, испытывавшая со времени основания Массалии греческое, а потом со II в. до н.э. римское влияние, просто изобиловала городами — Нарбон (Нарбонн), Арелат (Арль), Араузион (Оранж), Виенна (Виенн).

Однако общая картина процветания и благополучия римской Галлии, свидетельствующая о высоком уровне ее цивилизации, не должна создавать впечатления, что Галлия была сплошь романизирована, что интенсивность романизации была одина-

кова во всех ее районах. Уже давно было замечено, что интенсивность романизации Галлии зависела от ритма римской колонизации в ней³⁷. Наиболее рано и наиболее полно была колонизована, естественно, Нарбоннская Галлия. К шести или семи колониям, основанным там Цезарем, Август добавил еще дюжину.

Иначе дело обстояло с Тремя Галлиями. Там Минуций Планк в 43 г. до н.э. основал Лугдунум (Лион), получивший статус римской колонии, и колонию Раурику (Огст)³⁸. Затем Август нигде в «Волосатой» Галлии колоний не основывал. Он сам уточнил (*Res gestae*, 5, 35), что он выводил колонии только в Нарбоннскую Галлию. Большинство колоний в Трех Галлиях было основано уже при преемниках Августа, особенно при Клавдии и династии Флавиев и Траяне.

Можно заметить, что почти все колонии в Трех Галлиях основаны в пограничных районах. Особенно интенсивной была колонизация прирейнских районов вследствие их постоянной военной оккупации, множества поселений римских ветеранов, чиновников, торговцев всякого рода. «Можно подумать, что опять находимся в Нарбоннской Галлии», — замечает Г. Блок³⁹. А. Гренье же считает прирейнские районы наиболее глубоко романизированной областью запада⁴⁰.

Это не значит, однако, что остальные районы Трех Галлий не были колонизированы и романизированы, но интенсивность процессов приходится только на середину и вторую половину I в. н.э., в районе Парижа, например, на конец I — начало II в. н.э.⁴¹

А. Гренье полагает, что наиболее интенсивно романизовались те районы Трех Галлий, где проходили важные пути сообщения, а также местности вокруг больших провинциальных столиц. Он «вычерчивает» такую карту романизации Трех Галлий. Начиная от Лиона зона романизации поднимается по рекам и большим дорогам и достигает главных городов Галлии. Районами, где она наиболее интенсивна, являются Эн, Ду, особенно Сона и вся область эдуев между Соной и Луарой. Из Отена зона колонизации римского типа продолжается через Морван и долину Ионны к Реймсу и долине Сены. Она захватывает Бургундию, которая является землей перехода и больших дорог. На севере, в районах Верхней Марны, Верхней Соны, во всей северной части долины Мёз, в Об романизация была слаба.

На севере Франции слабо романизированы Пикардия и Артуа. Более интенсивной романизация становится в Суассонне, в Арденнах и в Бельгии, в долине Мёз. Здесь опять встречаются очень важные пути перехода и чувствуется влияние рейнской границы. На западе в зону романизации входит Нормандия, главным образом ее побережье, побережье Арморика, бывшие области намнетов, пиктонов, лемовиков по течению Луары и

ее притокам, Периго и район Бордо⁴². Более поздней, чем в южных и пограничных областях Галлии, но интенсивной колонизации и романизации этого района способствовало соседство океана и скрещивание сухопутных и морских путей.

Составленную А. Гренье карту романизации Галлии подтверждает солидный археологический материал: раскопанные на территории римской Галлии остатки вилл римско-италийского образца. По мнению А. Гренье, в Галлии вилла является памятником, характеризующим римскую колонизацию, так как виллы свидетельствуют о распространении в провинциях римских методов сельского хозяйства и римской цивилизации⁴³.

А. Гренье не одинок в своем мнении. Еще со времен Дарбуа де Жюбенвилля⁴⁴ и Фюстель де Куланжа⁴⁵ и до наших дней в науке существует точка зрения, что именно сельская жизнь галльских провинций испытала очень сильную трансформацию в римский период⁴⁶.

Вилла была сложным хозяйственным и социальным организмом. Она представляла собой центр эксплуатации домена (*praetorium fundi*). Система эксплуатации фундуса хорошо известна по текстам римских агрономов (*Cat., de Agricultura*, III, 5; *Varr., de Re rustica*, I, 11 s.q; *Colum., de Re rustica*, I, 4—6)⁴⁷. В состав сельского домена входили земли разного рода: поля, виноградники, луга, леса. На нем жили и работали люди, принадлежавшие к различным социальным категориям: рабы, рабы, посаженные на пекулий, вольноотпущенники, колонаты, свободные люди. Земля была разделена на две части: одна часть была передана арендаторам, другая оставалась в руках владельца домена и обрабатывалась рабской группой (*familia*) или арендаторами, исполнявшими барщинные работы, иногда же с помощью тех и других. Владелец получал таким образом двойной доход от своего домена: с одной стороны, доход от урожаев той половины домена, которую он сохранял за собой, с другой стороны, доход от оброков, которые платили его арендаторы. Управляющий домена (*procurator*, *astor* или *villicus*) держал под своим наблюдением равным образом обе половины домена: с арендованных участков он собирал оброк, а на половине, оставшейся в руках владельца домена, руководил всеми работами. Таким образом, виллы являлись центрами развития рабовладельческих, а может быть, и колонатных отношений и наличие их в той или иной провинции свидетельствует о высокой степени романизации.

Места расположения вилл, открытых на территории Франции, показывают, что Нарбоннская Галлия дает наибольшее число образцов больших роскошных вилл чисто средиземноморского типа, только отличающихся большими размерами от римско-италийских вилл. Классическим примером является Шираганская вилла, раскопанная на равнине Мартр-Толозан (деп. Верхняя Гаронна). По мнению Н. Н. Беловой, в Шира-

ганской вилле уже в I—II вв. н.э. использовался, по крайней мере частично, труд рабов⁴⁸. На территории вилл, размеры которых в III—IV вв. н.э. увеличились до 7—8 тыс. га, были обнаружены относящиеся к этому же времени зависимые от них села и руины более мелких вилл, которые сдавались, по-видимому, в аренду кондукторам и колонам⁴⁹.

В Лугдунской Галлии обнаружено много вилл в долинах Роны⁵⁰, Соны и Луары⁵¹, в области сенонов (деп. Ионна)⁵², в долинах Сены и Уазы (деп. Уаза)⁵³. Среди вилл Лугдунской Галлии встречаются виллы чисто средиземноморского типа. Такова вилла Рувр-ан-Плен, открытая в 1962 г. на равнине Дижона. По мнению Ж. Дюби, это «образец, пересаженный прямо из Италии при посредничестве Нарбоннской Галлии»⁵⁴. Для Лугдунской Галлии и вообще для Трех Галлий более характерны виллы, построенные по иным планам, в которых прослеживаются местные, кельтские традиции. К этому типу относится большая вилла Гири-Гаданкур (деп. Сена и Уаза)⁵⁵.

На северо-западе в состав Лугдунской Галлии входил Арморик (современная Бретань). Долгое время Арморик сохранял элементы кельтской культуры, будучи едва затронутым римским влиянием. А. Гренье включал в зону романизации только побережье Арморика. Однако он признавал, что его выводы могут быть опровергнуты по мере развития и усовершенствования методов археологических работ⁵⁶. Действительно, применение методов аэрофотосъемки способствовало значительному прогрессу в исследовании поселений римской Галлии⁵⁷.

В Белгике большее число вилл встречается в восточных ее районах, хотя распределены они неравномерно.

А. Гренье полагал, что северные районы Белгии Пикардия и Артуа были слабо романизированы. В его время там было обнаружено очень небольшое число вилл. В последние же десятилетия методом аэрофотосъемки зафиксированы на равнинах Севера более тысячи вилл и часто даже их точный план⁵⁸. Однако более тщательный анализ показал, что в Пикардии и Артуа доминируют виллы с центральным двором. Планы их достаточно просты и близки еще доримским, кельтским традициям. В этих районах нигде не встречаются виллы итальянского типа с атрием и перистилем. Поэтому их все-таки нельзя относить к числу интенсивно романизированных районов Галлии.

В Аквитании виллы городского и сельского типов встречаются в большом количестве по течению Луары у намнетов, пиктонов, лемовиков, затем в Периге и в районе Бордо⁵⁹. Зона распространения вилл тянется также вплоть до подножия Пиринеев.

Таким образом, более романизированными районами римской Галлии следует считать те, в которых наибольшее распространение получили сельские виллы римско-италийского типа, являвшиеся центрами эксплуатации сельскохозяйственных до-

менов, в обработке которых использовался хотя бы частично труд рабов. Это Нарбоннская Галлия, в Лугдунской Галлии — долины Роны, Соны, Ионны, вся область между Соной и Луарой, Бургундия, в Белгике — прирейнские районы и территория современной Бельгии, в Аквитании — районы по течению Луары, Перигор, район Бордо.

В этих галло-римских установлениях Фюстель де Куланж видел некоторые черты будущей феодальной системы⁶⁰. А по мнению авторов «Сельской истории Франции», французские деревни до сих пор сохраняют отпечаток той трансформации, которую испытала сельская жизнь Галлии под влиянием романизации⁶¹.

Карта французского средневекового серважа совпала с зоной максимальной римской колонизации. Относительно слабая романизация Севера, по-видимому, была стерта мощной волной германской, франкской, нормандской колонизации. Отсутствие классического серважа или наличие его в «стертой» форме характеризуют Северную Францию — район классического феодализма и, может быть, объясняют несравненно больший динамизм ее экономической, социальной, политической и культурной истории, вынесшую на своих плечах все тяготы национальной консолидации, знавшую классические крестьянские выступления — Жакерию, восстание «босоногих» в Нормандии.

Итак, прочтение кутюм XVI в., попытка выборочного ретроспективного их изучения (нормандской и пикардийской) позволяют, по-видимому, говорить о двух разновидности средневекового серважа: личном и поземельном. От личного, неуничтожимого серважа можно было освободиться только по грамоте верховного государя, сюзерена (полная аналогия с античным рабством). Поземельный, «новый», «вторичный» серваж исчезал по праву давности неуплаты и появлялся вновь по «добровольному» контракту бедняка. Юридическое правосознание еще в XVI в. различало два источника серважа, восходящие вглубь «темного» средневековья, когда из осколков рабства, колоната и свободного крестьянства генерировалась новая феодальная зависимость. Лишнее доказательство правомерности поисков истоков серважа в античном прошлом Франции — совпадение географии серважа XVI в. с картой интенсивной римской колонизации. Споры современных историков об античном или более позднем происхождении серважа тем самым снимаются, поскольку должны быть учтены оба момента.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 286.

² См.: Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве. — В кн.: Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973.

³ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1958, с. 158.

⁴ Там же, с. 134.

⁵ Там же, с. 159.

⁶ Там же, с. 160.

⁷ Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века.— В кн.: Сказкин С. Д. Избранные труды по истории, гл. 4.

⁸ В письме К. Шмидту Ф. Энгельс пишет, что правовые принципы являются отражением (в перевернутом виде) экономических отношений и в свою очередь оказывают обратное влияние на экономическую основу. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 418.

⁹ Подробное изложение концепций этих историков см.: Histoire de la France rurale. Paris, 1975, v. 1, p. 476; Бессмертный Ю. Л. Северо-французский серваж (к изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян).— СБ, 1971, вып. 33, с. 99 и сл.

¹⁰ Histoire de la Normandie/Publ. M. de Bouard. Toulouse, 1970, p. 166.

¹¹ Histoire de la France rurale, v. 1, p. 490.

¹² Ibid., p. 480.

¹³ Бессмертный Ю. Л. Северофранцузский серваж..., с. 99 и сл.

¹⁴ Там же, с. 104.

¹⁵ Бессмертный Ю. Л. Основные формы зависимости крестьянства раннего средневековья и их особенности в западном и средиземноморском регионах.— В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975, с. 48.

¹⁶ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1978. Гл. 3. Терминоведение.

¹⁷ Nouveau coutumier général ou corps des coutumes... par Ch. A. Bourdot de Richebourg. Paris, 1724, t. 1—4. В дальнейшем — BR.

¹⁸ Подробное изложение феодальной зависимости крестьян этих провинций см.: Червоная Т. М. Особенности «южной» сеньории во Франции (в свете провинциальных кутюм XVI в.).— В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982, с. 1—34.

¹⁹ Принцип этой выборки нам не совсем понятен. Из девяти кутюм, донесенных до нас усилиями Бурдо де Ришбура, в четырех (Лабур, Сентонжа, Байонны, де Соль)—оговаривается личная свобода и независимость жителей, привилегия носить оружие, что объясняет исключительность этих мест их пограничным положением.— BR, t. 4, p. 968, 883, 943; в пяти (Дакс, Сен-Севера, Бордо, Тулузы, Ангума) — известен серваж.— Ibid., p. 981, 918, 898, 1056, 843.

²⁰ Червоная Т. М. Особенности «южной» сеньории..., с. 11.

²¹ С середины XVI в., по мере того как центральное правительство, разбивая сепаратизм грандов, стало облагать королевской тальей и сервов, им позволено было собираться для разверстки платежей.

²² Как это случилось со всеми прочими платежами, фьефными и цензивными, неуплата которых в течение 30—40 лет «возвращала землю в ее естественное состояние» — аллод. Это и отличало область так называемой аллодальной кутюмы с правилом — nul seigneur sans titre, где тяжесть доказательства зависимости земли лежала на сеньоре, от так называемых кутюм феодальных с правилом nulle terre sans seigneur, где свобода земли доказывалась плательщиком ренты.

²³ Coquille G. Institution au droit François. Les Oeuvres. Paris, 1666, t. 2, p. 184.

²⁴ Ibid.

²⁵ В силу, например, того, что Луарой разрешалось свободное дробление фьефа, а потому нередко встречались так называемые «частичные сеньоры» (seigneurs en partie).

²⁶ BR, t. 4, p. 1163.

²⁷ Ibid., p. 937.

²⁸ Ibid., t. 2, p. 1177.

²⁹ Ibid., t. 3, p. 237.

³⁰ Ibid., p. 327.

³¹ Ibid., p. 399.

³² Grand Coutumier de Normandie.— BR, t. 4. См. подробнее: Червоная

ная Т. М. К вопросу о предпосылках и характере восстания «босоногих» в Нормандии в 1639—1642 гг.—Французский ежегодник. 1982. М., 1983.

³³ Ph. de Beaumanoir. Coutumes de Beauvoisis... parle Comte Beugnot. Paris, 1843, I—II.

³⁴ Аналогично и мнение Ю. Л. Бессмертного. См.: Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIV вв. М., 1969, с. 243.

³⁵ Ph. de Beaumanoir. Coutumes..., XV, 31, 36.

³⁶ Ibid., XV, 36.

³⁷ Jullian C. Histoire de la Gaule. Paris, 1924, t. 4, p. 76—77; Lot F. La Gaule. Les fondements ethniques, sociaux et politiques de la nation française. Paris, 1947, p. 199—200; Histoire de la France rurale, t. 1, p. 228.

³⁸ По мнению Ф. Ло, за исключением Лугдунума, другие колонии Трех Галлий были просто латинскими. См.: Lot F. Op. cit., p. 200.

³⁹ Bloch G. Histoire de France. Paris, 1900. T. I. La Gaule indépendante et la Gaule romaine, p. 382.

⁴⁰ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Paris, 1934, p. 866.

⁴¹ Histoire de la France rurale, p. 228.

⁴² Grenier A. Op. cit., p. 867—874.

⁴³ Ibid., p. 782—783.

⁴⁴ D'Arbois de Jubainville. Recherches sur l'origine de la propriété foncière. Paris, 1890, p. 125.

⁴⁵ Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1889. T. 4. L'alleu de la domaine rural, p. 80 ss.

⁴⁶ Lot F. Op. cit., p. 867—874, p. 293; Histoire de la France rurale, t. 1, p. 195.

⁴⁷ Fustel de Coulange. Op. cit., t. 4, p. 87; Bloch G. Op. cit., p. 436—450.

⁴⁸ Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии.—ВДИ, 1970, № 1, с. 130; Она же. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 91—92.

⁴⁹ Grenier A. Op. cit., p. 895.

⁵⁰ Gallia, 1957, 15, 2, p. 268—270, 274; 1960, 18, 1, p. 2; 1961, p. 445.

⁵¹ Gallia, 1943, 1, 2, p. 263; 1958, 16, 2, p. 366.

⁵² Gallia, 1957, 15, 2, p. 316.

⁵³ Gallia, 1957, 15, 2, p. 164; 1958, 16, 2, p. 266—278; 1959, p. 286.

⁵⁴ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 226.

⁵⁵ Mitard P. H. La villa gallo-romaine de Guiry-Gadancourt (Seine-et-Oise).—Gallia, 1958, 16, 2, p. 266—280; 1960, 18, 1, p. 163—179.

⁵⁶ Grenier A. Op. cit., p. 859.

⁵⁷ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 227.

⁵⁸ Ibid., p. 200.

⁵⁹ Grenier A. Op. cit., p. 873.

⁶⁰ Fustel de Coulange. Institutions. Paris, 1900. T. 5. Le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne, p. 64.

⁶¹ Histoire de la France rurale, t. 1, p. 195.

В. А. СМЕТАНИН
Уральский университет

О ПОНЯТИЯХ «ФЕОДАЛ» И «ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМЫЙ КРЕСТЬЯНИН»

Феодализм — это система эксплуатации способом докапиталистической земельной ренты. Учение о ренте составляет стержень научной теории феодальной формации. Существо докапиталистической земельной ренты, по словам К. Маркса, «состоит в том, что земельная рента есть единственная господ-